

СВЕТЛАНА МАКАРЕНКО-
АСТРИКОВА

Римские элегии. «Шестикнижие»

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ
2001 – 2017 ГОДОВ

Светлана Макаренко-Астрикова

**Римские элегии. «Шестикнижие».
Избранные стихи 2001—17 годов**

«Издательские решения»

Макаренко-Астрикова С. А.

Римские элегии. «Шестикнижие». Избранные стихи 2001—17
годов / С. А. Макаренко-Астрикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850966-7

В эту книгу вошли мои избранные стихотворения за семнадцать лет работы в разных поэтических жанрах. Книга издается по просьбам читателей моих веб-страниц в сети и поклонников поэзии в духе «Серебряного века», не претендуя на классицизм и лоск, но настаивая — на особости звучания. Строфы, отобранных автором лирических стихотворений — слепок души, записка без почерка, тончайшие ноты настроения Сто избранных стихотворений. для самого взыскательного читателя.

ISBN 978-5-44-850966-7

© Макаренко-Астрикова С. А.

© Издательские решения

Содержание

Ворвусь в тебя...	6
В каменном платье Венеция встала	7
Где этот затерянный ангельский сад?	8
И ландышевый клин на клумбе опустелой...	9
Ваш нежный рот	10
Вам одеваться было лень	11
Разлука призрачна...	12
Я теряю дыхание...	13
Забыть все то, что знала об изменах...	14
Все отражается в старинных зеркалах...	15
Еще под небом, но уже без крова...	16
Не слушала совсем Чаконы Баха...	17
Вот женщины стареющей любовь	18
В шаль зябко куталась...	19
А у нее изгиб спины плавнее?	20
Дай мне сказать о любви...	21
Охрипшая любовь...	22
Из цикла «Розы Осенние»	23
Нам по бокалам разольют вино	26
«И грусть струится»...	27
Все города мои. Из сборника «Ветер августа» 2010 год	28
Обнажена. И руки холодны...	29
Вместо духов...	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Римские элегии. «Шестикнижие» Избранные стихи 2001—17 годов

**Светлана Анатольевна
Макаренко-Астрикова**

*Все стихотворения в книге публикуются в авторской орфографии
и пунктуации.*

© Светлана Анатольевна Макаренко-Астрикова, 2023

ISBN 978-5-4485-0966-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ворвусь в тебя...

Ворвусь в тебя чем то прошлым.
Зеркальной, пыльной рамой.
Ворона кричит истошно:
Упал вороненок в яму...
Ворвусь в тебя свежим ветром
Царапая щеки ливнем..
Ты был не со мной.
Был где-то..
Хмельной и слегка —
Счастливый!
Слегка... Аромат сигары..
Преследует, словно чары...
Ворвусь в тебя чем-то давним,
И выгрызет тротуары
Закат заревою лавой,
Растекшись по темным плитам
Ворвусь сладчайшей отравой,
Ты вступишь меня? Мы – квиты...

В каменном платье Венеция встала

В каменном платье Венеция встала*
Звон колокольный на площади Марко.
Голуби стаяй. Прохладно и жарко.
Строчки бросаю я в зелень канала.
В каменном платье Венеция встала
Вот на мосту кавалер Казанова
Шляпой махнул мне, и снова, и снова
Я повторяю немного устало:
«В каменном платье Венеция встала.
В каменном платье, как женщина – плачет,
Жемчуг роняя в обводье каналов...»
Строчки звучат колдовством – не иначе!
Ангел мой брови нахмурил устало.
«В каменном платье.» Строку потеряла.¹

¹ * Первая строка – из стихотворения Н. Турбиной. «Венеция».

Где этот затерянный ангельский сад?

Где этот затерянный ангельский сад?
Печальный. Без капель дождинок.
Там тихие вяза уныло стоят
И никнут без ив – половинок
Все ниже и ниже, к иссохшей земле,
Где с весён дождей не бывало.
Затерянный сад. Там на сонном шмеле
Лишь жара лежит покрывало.
Медовое жало июльской зари
Белесые ночи. И грозы.
А в травах цикада бессонно звенит
И дышат заснувшие розы
В забытом саду. До осеннего дня.
Но где этот сад, я не знаю
Не спрашивай троп никогда у меня!
Я рифмы – приметы роняю
На них. И легко ты дорогу найдешь
В тот ангельский сад опустевший.
Да. В нем почему-то не слышится дождь,
Лишь шорох листвы облетевшей...

И ландышевый клин на клумбе опустелой...

И ландышевый клин на клумбе опустелой,
Несолнечный, немой, без бликов белизны.
Да, что то ты писал мне на бумаге белой
Давным-давно. Когда еще нужны
Друг другу были мы. Но время не жалеет.
Не лечит время, нет. У времени свой счет.
И что то странное над памятью довлеет —
Забвенья или мщенья горький мед?

Ваш нежный рот

Ваш нежный рот. Капризны очертанья
Лукавых губ. И тонкую игру
Ведет Ваш ум. Полна очарованья
Игра такая. Но она – к добру?
Ваш нежный рот. И мой безумный палец,
Что повторяет линии его.
Я б выпил, как вино, весь Ваш румянец,
Но я давно не смею ничего!
Давным – давно,
С тех самых пор,
Как разум
Избрал улыбки Вашей колдовство.
Ваш нежный рот в тиши роняет фразу,
И в ней начало и конец всего...

Вам одеваться было лень

Вам одеваться было лень
И Вы, лукавая полусонно,
Дразнили кружевную тень
Гардин. С открытого балкона
Стучался осторожно дождь,
Перила каплей лакируя...
О этот взгляд! Сплошная ложь...
Его поймав, я не ликую

Не признавались мне ни в чем
И ничего не обещали,
Все было лишь забавным сном
И в самом, кажется, начале.
Вам одеваться было лень,
Вы отвернуться попросили.
И пальцы хрупкие в сирень,
Что в вазе никла – опустили.
Искали пятый лепесток,
Но не нашли. А мне досада!
Как кальвадоса мал глоток,
Как опоздала серенада
Бесстыдной лгунье, что забыть
Ошибку ночи не желает.
Одеть ее и проводить...
Что я – погиб, о, пусть – не знает!

Разлука призрачна...

Разлука призрачна,
Мы будем вместе скоро*.
И ты не спросишь,
Где же я была?
И в дали той,
Кто близок был
И дорог,
Кого ждала
И с кем вино пила?
Кому дарила строфы,
Как причастье?
Кого дразнила
В сумраке ночей?
Гадала с кем
На призрачное счастье?
Кому потом шептала:
«Не желей!»
И было ль – что?
Ты никогда не спросишь.
Я, эхом, ни – че – го не повторю.
Но смятый лист Судьбы
Ты прочь отбросишь,
Спиною повернувшись
К алтарю.
Разлука – призрачна.
Мы будем вместе скоро...
Украдкой в зелени
Светлеет желтый лист.
А в мягкости
Небесного простора
Не спрашивают :
Грешен или чист?²

² Первое двустихие – из стихотворения А. Ахматовой.

Я теряю дыхание...

Я теряю дыхание... Где то, в каналах – вода...
И разводят мосты. И луна – фонарем. Или – дыней?
Я теряю дыхание. Ты не приедешь сюда.
Ты ко мне не приедешь, за зеркальной оставшись твердыней.
Я теряю дыхание, шаг мой немного нетверд,
К парпету холодному лоб, как к кресту – прижимаю...
Но печальная осень берет свой последний аккорд,
Я беспомощно ей, неумело, не в такт – помогаю...
Я теряю дыхание... Где-то – цепочки огней
И дорога в закатах – рекою туманной и зыбкой.
Осень тонкою кистью коснулась зеленых ветвей,
В фонари превратив их, с беспечно – веселой улыбкой.
К парпету пристанет задумчиво вязкий туман,
Будет снова свежо, а из ночи – проклюнется утро...
Я теряю дыхание. Почти дописала роман!
Только две в нем строки. Незатейливых, радостно-мудрых...

Я теряю дыхание. Там, где в каналах – вода,
Отражается дерево, крону склонивши над аркой.
Ты ко мне не приедешь. Не увидишь меня никогда.
Две простые строки от меня тебе будут подарком..

Забывать все то, что знала об изменах...

Забывать все то, что знала об изменах,
Все что хранил мой воспаленный мозг:
Шаги чужие, плач в молчащих стенах,
Шипы незамечаемые роз.
Забывать все то, что знала о разлуках,
Чему, смеясь, давала имена.
А что-то сладкое есть в этих полумуках,
Когда вино не выпито до дна,
Браслет не снят – застежка поломалась,
И в зеркало – вполпьяна – брошен взгляд,
И так смешно: одна теперь осталась.
А говорят, что: больно! Говорят...

Все отражается в старинных зеркалах...

...И отражается в старинных зеркалах
Лицо твое, не ставшее знакомым,
Неузнанная в долгих, странных снах
Бровь тонкая, с трагическим изломом...

Все отражается в старинных зеркалах.
То – инструмент причудливый гаданья,
Что не разбил тоску немую в прах,
Сомненьям дал граненность очертанья!

Все отражается в старинных зеркалах:
И сны и явь – заламывая руки,
И стрелки золотые на часах,
И Купидон, зевающий от скуки.

Глаза он устремляет в потолок:
«Любви-то нет. Вы горько обманулись!
И все признанья – фиговый листок,
Все сон дурной! Да Вы уже проснулись!»

Все отражается в старинных зеркалах.
Там все, что за ночь мне могло присниться.
Там сказка – истина в пяти простых словах.
Там только жизнь моя не отразится!

Еще под небом, но уже без крова...

«...Еще не в небе, но уже без крова...»

Ю. Сорокина.

Еще под небом, но уже без крова.
Уже – слепа, но делаю шаги,
И что—то навывдумывала снова...
Устал от этих выдумок? Беги.
Беги, я не удерживаю! Только
Не хлопни дверью, что ведет в подъезд.
Как выдумку реальной делать горько,
Немногих это добровольный крест.
Еще под небом, но уже – без крова.
Еще – тепло, лишь пальцы ледяны.
Я думала наивно, что готова
Жить в миражах придуманной весны.
Я думала наивно, что подвластны
Мне нити чувств и паузы в словах.
И то, что в строчках – с былью несогласно
Смертельной, что заковывает в страх,
Что не дает моляще вскинуть руки,
Разорванные нити соединить.*
Без крова я... Без этой сладкой муки
Из двух глаголов: «помнить» и «любить»..³

³ * Старинная форма глагола «соединить»

Не слушала совсем Чаконы Баха...

Не слушала совсем Чаконы Баха,
Не знаю медленных и нежных нот.
И сердце не испытывало страха,
Когда к губам клонился дерзкий рот.
Не слышала совсем Моцартианы,
Той, что пьянит сильнее крепких вин,
Лишь этот голос, глуховатый, странный,
Он мне – единый раб и господин!
Не слышала совсем старинных звуков,
Мне рук решительных важней сейчас печать.
Как стану бабушкой, так точно буду внуков
К безгрешности былинной приручать!

Вот женщины стареющей любовь

Вот женщины стареющей любовь,
Чья кожа чуть заметно источилась,
Вот одинокой Женщины любовь,
Что молодой себе когда – то снилась,

Что признавала пряные духи
И холод розы в жар июльской ночи,
Что говорила: «Или лгут стихи,
Или – серьезно – правду мне пророчат?»

Да, вот усталой женщины любовь,
Что руки так от глаз стыдливо прячет,
И не понять смеется или плачет,
И счастлива ль? От всех – скрывая боль,

Что с ней – расстанутся. И что погаснут звезды.
А зеркало покажет без прикрас
Морщины. Усмехнется: «Несерьезно!»
А Женщина – влюбилась. В первый раз.

В шаль зябко куталась...

«В шаль зябко куталась. Стояла у окна.
Прости, мой друг, тебя – не понимала!»
Давила горло криком – тишина...
Слова рассыпались осколками бокала.

В шаль тихо куталась. Себя слегка обняв
Руками, где знакомы все прожилки.
...В том недописанном романе сорок глав
И сто дорог. Стоять мне у развилки.

В шаль куталась... Да только и всего!
Тот жест – какой он мирный и знакомый...
Но чувства умирало волшебство.
А у меня – не стало больше дома...

А у нее изгиб спины плавнее?

А у нее изгиб спины плавнее?
Она не так смеется и грустит?...
Не разберешь, кому из нас больнее.
А может, боль и вовсе – кошкой спит

Там, в уголочке раненого сердца...
А, может, и не ранено оно?...
Не скрипнув, плавно, распахнулась дверца
В Страну Разлук, где ждали нас давно!

Дай мне сказать о любви...

Дай мне сказать о любви
Напоследок!
Не говорливой
Стае соседок,
Не телефонной
Осипшей трубке.
Дай мне сказать
О любви – голубке!
Я приручила ее
И каюсь:
С этой любовью
Я вечность маюсь!
Крылья сложила,
Лететь не хочет,
Горлинкой сизой
В ладони лопочет,
Кисти клюёт
И до крови – пальцы,
Видно не смеет
С рукой расстаться —
Хлеба дающей,
Поющей водою —
Сладкой от грез,
Но добытой – слезою.
Как мне прогнать
Надоевшую птицу?
Что-то упало
На лист —
Ресница?
Рифма простая.
Сложу напоследок,
Да и сожгу.
Дым в камине едок.
Кажется, горлицу гарью спугнула
Что это холодом так потянуло?...

Охрипшая любовь...

Охрипшая любовь, полупьяна.
И с тактом незнакома, и отныне
Ей будет мало сладкого вина —
Она напьется горького. Полыни.
Охрипшая любовь. Не прогоняй!
Она больна. Как нищая старуха.
Ты говоришь, их много? Нет, одна.
И та глуха. На оба сразу уха.
Охрипшая любовь. Седых волос
Не сосчитать. Морщин и то – поменьше
«Мой дорогой, не надо было врать,
Что ты меня узнаешь в сонме женщин,
Что по дыханью отличишь в толпе»
И битый час она бормочет сипло:
«Повеситься хотела на столбе.
Оборвалась веревка. Я охрипла.
Мой голос навсегда теперь пропал,
Но ты ведь помнишь основную ноту?»
Её улыбка. Нищенский оскал!
К воспоминаньям вмиг убег охоту.
Охрипшая любовь. У огонька.
Несмело греет старческие руки
Портрет дописан? Нет, еще строка —
О смерти маленькой,
Что в каждой есть разлуке.

Из цикла «Розы Осенние»

1.

О, как они склонились от дождя!
И капли радужны,
И аромат стекает
По ним на листья,
Руки холода...
О, как они склонились от дождя!
И пышность белизны слегка примята,
А рядом распрямилась чутко мята,
Перебивая, пряностью чудя...
О, как они склонились от дождя!
Небес слезу в нектар преображая...
Вот муравей ползет. И тучка тает,
По чистой синеве овцой бредя.
Та самая, в которой
Дождь родился....

2.

В осенних розах поздняя роса,
Как иглы – колкая.
И пряная, как горе...
Ах, эта осень! С летом нудно спорит,
Чтоб август хлопнул дверью, уходя.
Но потемнеют ночи...
И звезда
В распахнутом колодце поднебесья
Подмигивать мне будет.
Ей известно
Все —
От начал до самого конца!

3.

И чуткий сон похолодевших роз
В сентябрьской ночи, слегка морозной,
И скрип пера...
Уже для Музы поздно.
Ну, а она, неожиданно, вдруг – пришла —
Озябшей гостьей
С дудочкой умолкшей.
«Ее пыталась обратить в свирель.
Не дружит нота с ивою промокшей,

Я зябну. Постели же мне постель.!»
...И чуткий сон похолодевших роз
В ночи осенней плач её нарушит,
А мотылек, ослепший, вдруг потушит
Свечу горящую... И не задам вопрос.
Но все ж отвечу на него —
Молчаньем.

4.

Она цвела последние деньки,
Копила сладость.
Неизбывность горя.
И перед ней порхали мотыльки,
За право поцелуя
Тихо споря.
Она цвела. В осенней тишине
И в хрустале лазури поднебесной,
И падал лепесток...
Чуть слышно треснув
Под лапкой паучка,
Стремясь к земле,
Она цвела. Последние деньки
Всех чаровала пышностью надменной.
А в печке догорали угольки,
Даря тепло
Сырым, продрогшим стенам.

5.

...Как к милостыни последней,
Во вздох ее обращая,
В хмельное воспоминанье,
Прижмусь губами к цветку.

Как милостыней последней,
Как снегом, осевшим в землю
И смешанным пылью прошлой,
Напьюсь нектаром его.

Как милостыней последней,
Прокишшим вином любовным,
Сгоревшим до пепла хлебом,
Лицо в лепестках омою

Сентябрьской пышной розы
И все что было – забуду,
Как сладостный, тяжкий сон.

6.

Я перестану, перестану
Когда—нибудь, не смейся только,
Писать стихи
Опавшей розе,
Чьи лепестки вдруг стали
Рифмой.
Я перестану, перестану
Когда – нибудь, —
Но час не знаю —
Марать бумагу
Поздней точкой
Иль запятою,
Явно лишней
В обширном строе
Строф озябших,
Не превращенных в птичью стаю,
Похожих чем – то – на меня.

Нам по бокалам разольют вино

Нам по бокалам разольют вино
Оно играть в хрустальных гранях будет
А если виночерпий нас забудет.
То нам ему напомнить – не грешно!
Нам по бокалам разольют вино

И вспомним мы сначала страсть былую,
Потом усмешку: добрую и злую,
Привычке близкую, знакомую давно.
Нам по бокалам разольют вино,
Глаза прищурив, взглянем друг на друга
Там за окном, забывшись, плачет выюга
Февральская. О том, что – не дано...

«И грусть струится»...

*«И грусть в сиянье янтара
Струится с пальцев».
Ева Самарина.*

...И грусть струится с пальцев,
Как вишневый,
Слегка густой
И горьковатый сок
И бабочки
Присели на песок.
Пусть отдохнут
В густой тени лиловой
Большого флокса
Запахом его
Дурманит лето,
Сладостно и нежно.
Струится с пальцев
Рифмы торжество.
Неспешно. Еле слышно.
Безмятежно...

Все города мои. Из сборника «Ветер августа» 2010 год

«Все города мои стирает ветер».
Ева Самарина.

Все города мои стирает ветер
Любовь мою, как знаки на песке,
Волна слизала... Ты – один на свете.
Моя душа на тонком волоске
Улыбки. От усталости – небрежной
В себя вобравшей мир, но не меня....
Я – не ревную. Я в душе мятежной.
Ищу углей. Для нового огня.

Обнажена. И руки холодны...

Обнажена. И руки холодны
Как трепетен изгиб
У завитка на шее.
Не пили мы совсем.
Разлукою пьяны.
И сердится она,
Что я дышать не смею.
Обнажена совсем:
И телом, и душой....
Крутой изгиб бедра,
Мольба зрачков бездонных.
И выпала ночь
Все звезды из ведра
Охапкой сентябрин
На выступ законный.

8. окт. 2010 г.

Вместо духов...

Вместо духов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.